

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Будаев Э. В., Чудинов А. П.

Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАСОВЕТОЛОГИЯ¹

Abstract

The paper reviews and classifies modern studies adjacent to sovietological investigations, namely researches into political discourses of socialistic states, world Communist propaganda, non-communist totalitarian discourses, contemporary Russian political communication (postsovietology).

В нашей предшествующей статье [Будаев, Чудинов 2007] были рассмотрены становление и эволюция лингвистической советологии – направления в зарубежной политической лингвистике, предметом исследования которого служат особенности политической коммуникации в СССР, а также языковая политика советского государства, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Отмечалось также, что в зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали с уничижительными определениями и относили к сфере враждебной пропаганды, которая не имеет ничего общего с наукой, во всяком случае – с «подлинной» марксистско-ленинской наукой.

В процессе подготовки указанной статьи было обнаружено, что многие исследования не могут быть однозначно отнесены к сфере лингвистической советологии либо столь же однозначно признаны не имеющими отношения к указанному научному направлению. Это вполне закономерно, поскольку давно замечено, что многие важные научные результаты можно получить именно в процессе междисциплинарных исследований. Кроме того, в науке всегда существуют «зоны диффузности», изучение которых может оказаться полезным для различных научных направлений.

В настоящей статье рассматриваются исследования, которые не в полной мере соответствуют представленному определению лингвистической советологии, однако посвящены смежным проблемам или относятся к другим периодам развития России. Некоторые из этих работ созданы авторами, которые не в полной мере воспринимаются как зарубежные или же имеют преимущественно неполиглоссический характер, но включают фрагменты, которые способны заинтересовать филологов. Для обобщающего обозначения указанных иссле-

дований мы решили использовать в качестве рабочего термин «лингвистическая парасоветология».

Изучение публикаций по лингвистической парасоветологии позволит лучше понять дискурс лингвистической советологии, политические и экономические условия, в которых она существовала, научную парадигму, в рамках которой она развивалась, а следовательно, представляет несомненный интерес для российских и зарубежных специалистов по советской политической коммуникации.

Следует подчеркнуть, что к задачам настоящей статьи относится определение оснований для выделения парасоветологических исследований и критерии их классификации, но мы не стремились перечислить все или хотя бы наиболее известные и широко признанные публикации рассматриваемой проблематики. В наши задачи не входила также оценка качества или объективности этих исследований, а также выявление зависимости от политических и иных условий создания или публикации. Отметим только, что лишь немногие зарубежные специалисты были искренними сторонниками советской идеологии, но едва ли все они с искренней симпатией относились к России, русскому языку и российской культуре.

Первая группа рассматриваемых публикаций объединяется по «географическому» признаку: все они посвящены политической коммуникации ВНЕ ПРЕДЕЛОВ Советского Союза (или преимущественно вне территории Советского Союза), но в то же время соответствующие тексты в той или иной мере близки к тем текстам, которые создавались в Советском Союзе. Лингвистическая парасоветология объединяет по меньшей мере следующие группы таких публикаций:

– исследования, посвященные лингвополитическому дискурсу стран-сателлитов СССР (например, характеристика «новояза» в Польше, Чехии или Румынии);

– исследования, посвященные коммунистическому дискурсу в демократических странах с рыночной экономикой (например, коммунистическая пропаганда в США, Великобритании или Франции);

– исследования (часто сопоставительные), посвященные тоталитарному дискурсу и ориентированные на обнаружение общих и особенностей свойств в политической коммуникации коммунистических и других диктаторских режимов в различных регионах мира (Европа, Латинская Америка, Азия и Африка).

Ко второй группе публикаций по лингвистической парасоветологии следует, видимо, отнести исследования, которые посвящены советскому лингвополитическому дискурсу, но не в полной мере воспринимаются как ЗАРУБЕЖНЫЕ или ЗАПАДНЫЕ. Это такие исследования, которые:

¹ Статья подготовлена при финансовой помощи РГНФ (грант 07-04-02002а – «Образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе»).

– подготовлены после распада СССР не в России, а в других постсоветских государствах; такие публикации едва ли могут интерпретироваться как «внешние», как «взгляд со стороны», поскольку они написаны бывшими нашими соотечественниками;

– созданы в странах, выступавших как политические союзники СССР и отличавшихся соответствующей организацией политического дискурса (Болгария, Польша, Венгрия и др.).

Выделение последней подгруппы может вызвать возражения, однако следует учитывать, что лингвистов из указанных стран в советское время не называли советологами, поскольку это обозначение использовалось только по отношению к «буржуазным наймитам и клеветникам».

К третьей группе парасоветологических, видимо, следует отнести исследования, не советского, а досоветского и постсоветского лингвополитического дискурса. Среди публикаций, относящихся к постсоветскому дискурсу, целесообразно разграничить две подгруппы:

– исследования, посвященные лингвополитическому дискурсу современной России (постсоветология).

– исследования, посвященные не лингвополитическому дискурсу России (как правопреемника СССР), а политической коммуникации в других постсоветских государствах.

Включение последней подгруппы в состав парасоветологических исследований может вызвать возражение, но следует учитывать, что политическая коммуникация во многих постсоветских странах все еще сохраняет многие свойства, характерные для советского периода.

К четвертой группе рассматриваемых публикаций мы отнесли такие, которые не относятся к числу собственно ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, но включают материалы, которые могут быть интересны филологам и учитываться филологами в своих профессиональных изысканиях.

В нашем обзоре не рассматриваются публикации, которые посвящены общим проблемам развития и функционирования русского языка в советский период, хотя вполне закономерно, что процессы в художественной, официально-деловой или разговорной речи оказывают определенное воздействие и на политическую коммуникацию в ее медийном и институциональном вариантах.

Рассмотрим специфику выделенных направлений парасоветологии и наиболее показательные публикации соответствующих авторов. В первом из указанных направлений отчетливо выделяются следующие полигруппы.

1.1. Исследования, посвященные политической коммуникации в «странах народной демократии», то есть государствах, идеологических близких к Советскому Союзу. В таких публикациях нередко выявляются общие законо-

мерности политической коммуникации в условиях коммунистической диктатуры. Например, анализ публикаций И. Борковского [Borkowski 2003], Е. Бральчика [Bralczyk 2001], А. Вежбицкой [Вежбицка 1993], Д. Галасиньского и А. Яворского [Galasiński, Jaworski 1997], М. Гловиньского [Głowiński 1990], А. Зволиньского [Zwoliński 2003], И. Карпиньского [Karpiński 1989] и А. Северской-Хмай [Siewierska-Chmaj 2006], посвященных польскому «новоязу» и языковому сопротивлению, показывает, что многие выявленные закономерности присущи не только советской, но и польской политической коммуникации. Вместе с тем за многочисленными сходствами исследователи находили и специфические отличия между советским «новоязом» и официальными дискурсами других коммунистических стран (см., например, исследование Й. Бральчика, посвященное анализу политической пропаганды в ПНР [Bralczyk 2001]).

Французский исследователь Ж.-Ж. Куртин пишет о дискурсе «государственных языков», «процеживающих воспоминания об исторических событиях и наполняющих коллективную память определенными высказываниями, которым они обеспечивают повторяемость, при том что другие высказывания обрекаются ими на уничтожение или забвения» [Куртин 2002, с. 96]. В качестве яркого примера такого «процеживания» приводится рассказ о двух вариантах одной и той же фотографии лидера чехословацких коммунистов Клемента Готвальда, который с балкона произносит знаменитую речь, открывающую историю социалистической Чехословакии. На Готвальде меховая шапка, а рядом с ним стоит с непокрытой головой другой коммунистический лидер – Клементис. Журналисты трогательно описывали, что было холодно и именно Клементис отдал Готвальду свою шапку, чтобы уберечь руководителя от простуды. Через четыре года Клементис был обвинен в измене и повешен. Вскоре появился отретушированный вариант фотографии: оказывается, что Клементиса не было на том балконе и не так уж важно, откуда у Готвальда взялась шапка. Хорошо известно, что примеры выборочной памяти и намеренного беспамятства демонстрирует политическая коммуникация любого тоталитарного государства: особенно яркие примеры приводят В. Клемперер, Д. Вайс, А. Вежбицка, М. Гловиньский, М.В. Горбаневский и Н.А. Купина.

1.2. Исследования, посвященные коммунистическому дискурсу в демократических странах с рыночной экономикой. Специальные наблюдения свидетельствуют о существенных различиях коммунистической пропаганды при ее использовании, с одной стороны, в тоталитарных государствах, а с другой – в странах, где возможны политические дискуссии между

различными партиями, где коммунисты находятся в оппозиции.

Едва ли не первым крупным лингвополитическим исследованием методики, стилистики и прагматики коммунистической пропаганды в США стала знаменитая монография Гарольда Лассвелла и Дороти Блюменсток «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» [Lasswell, Blumenstock 1939; см. также: Лассвелл, Блюменсток 2007], посвященная комплексному исследованию коммунистической пропаганды в Чикаго периода Великой депрессии, которая весьма способствовала распространению радикальной идеологии. Поставленные задачи потребовали детального и многоаспектного рассмотрения факторов, способствующих успехам агитаторов. На основе теории семиотики пропаганда рассматривается авторами как манипуляция символами, в ходе которой символы политической элиты должны быть заменены символами контр-элиты, с вытекающей отсюда переоценкой действительности. Это исследование в дальнейшем стало своего рода образцом, который был использован при изучении коммунистического движения в различных экономически развитых странах.

Совершенно иной подход наблюдается во французской школе анализа дискурса [Куртин 2002; Серио 2002 и др.], участники которой активно занимались изучением политической коммуникации, в том числе и коммуникативной практики французских коммунистов. Как пишет П. Серио, французская школа анализа дискурса рождалась «под знаком стыковки, как это тогда называлось, трех «китов»: Лингвистики, Исторического материализма и Психоанализа. [Серио 2002 : 33]; три имени стали знаменем этого подхода – Маркса, Фрейд и Соссюр Ж. Ж. Куртин делает вывод о том, что «коммунистический дискурс является продуктом реальной истории, но одновременно он является и продуктом фиктивной истории: «эффекты памяти <...> создают иллюзию застывшей истории, истории неподвижного времени, которое стоит на месте; происходит замораживание исторического времени, в котором формируется дискурсность» [Куртин 2002 : 102].

1.3. Исследования, посвященные тоталитарному дискурсу и ориентированные на обнаружение общих и особых свойств в политической коммуникации диктаторских режимов в различных регионах мира (фашистская Германия, маоистский Китай, Камбоджа времен «красных кхмеров», Куба по руководством Кастро, Румыния при Чаушеску, Ливия при Каддафи и др.) [Arendt 1973; Ilie 1998; 2005; Ji 2004; Lu 1999; Schäffner, Porsch 1993; Schoenhals 2007; Young 1991 и др.]. Первой в этом отношении, несомненно, была книга Виктора Клемперера «Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» [Клемперер 1998], которая была впервые опубликована в 1946 году и

содержала не только материалы по языку фашизма, но и некоторые сопоставления советского и фашистского языка. По существу сходные проблемы рассматриваются в публицистических и художественных произведениях Джорджа Оруэлла, где дается развернутая характеристика не только потенциального английского «новояз» («newspeak»), но и коммуникативных приемов, характерных для британских социалистов и коммунистов в 30-е – 40-е годы прошлого века [Оруэлл 2006].

На следующих этапах развития политической лингвистики специалисты все снова и снова стремятся к сопоставлению коммунистического и фашистского дискурса. Весьма показательна в этом плане статья Даниэля Вайса «Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении» [Вайс 2007]. В отличие от многих других специалистов Д. Вайс обращает преимущественное внимание на различия двух тоталитарных дискурсов.

Сопоставление тоталитарного и демократического дискурсов показывает, что одним из наиболее ярких признаков первого могут служить существенные различия в средствах политической коммуникации, которые используются правящей партией и оппозицией. Свободный от критики, официальный политический язык в тоталитарном государстве все более приобретает черты «новояз». Соответственно протест против него в значительной степени проявляется в языковой сфере: возникает «языковое сопротивление», специфическая лексика и фразеология, своего рода диссидентские жаргоны, политический протест нередко проявляется в форме насмешки над коммуникативной практикой правящей партии.

Объединяющим признаком следующей группы зарубежных исследований служит тот факт, что их авторы испытали на себе то или иное влияние советского политического дискурса и российской лингвистики. В советскую эпоху эти специалисты не воспринимались (и в большинстве своем до настоящего времени не воспринимаются) как «западные советологи». Здесь можно выделить следующие подгруппы.

2.1. Исследования, которые посвящены советскому лингвополитическому дискурсу, но были созданы не в России, а в других постсоветских государствах. Такие публикации юридически считаются зарубежными, они полностью свободны от советской и постсоветской цензуры. Однако последнее вовсе не означает полной свободы от политического давления и тем более полного идеологического нейтралитета. В целом ряде случаев такие публикации полны ненавистью не только к советской идеологии, но и ко всему русскому. Нередко бывшие «советские филологи» удивительно быстро становятся активистами антироссийских политических движений, черпая факты для своих

разоблачений именно в советских политических текстах.

Вместе с тем лучшие специалисты стремятся к максимальной объективности. Важным преимуществом подобных авторов (по сравнению с западными исследователями) служит то, что они «изнутри» знакомы с советской политической коммуникацией, а поэтому лучше понимают ее скрытые механизмы и реальную степень эффективности. Многие специалисты по политической коммуникации из постсоветских государств испытали в своем научном развитии значительное воздействие советской лингвистической науки (учились в России, защищали диссертации в российских вузах и др.).

Среди лучших публикаций подобного рода следует назвать монографию литовского лингвиста Элеоноры Лассан «Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ» [Лассан 1995], в которой детально рассматриваются различия в политической коммуникации между представителями коммунистической элиты и инакомыслящими. Значительный интерес представляют также работы А. Д. Дуличенко, Н. Н. Клочко, С. Н. Муране, Б. Ю. Нормана, И. Ф. Ухвановой-Шмыговой и других специалистов из постсоветских государств.

2.2. Исследования по проблемам советской политической коммуникации, подготовленные специалистами из государств, которые были политическими союзниками СССР. Когда советские идеологические лидеры говорили об ущербности западной советологии, то они во все не имели в виду языковедов из идеологически близких государств, многие из которых учились в Советском Союзе, хорошо знали советскую действительность и не позволяли себе некорректных высказываний. До середины 80-х гг. прошлого века публикации болгарских, чешских, словацких русистов по многим признакам были ближе к публикациям советских филологов, чем к исследованиям западных советологов. Многие из этих ученых до сих пор изучают советский политический язык, нередко обнаруживая тонкие закономерности, которые способен увидеть только специалист, хорошо знакомый с соответствующими материалами. В качестве одного из примеров можно назвать статью Петра Червильского, где рассматриваются оценочные характеристики при обозначении лиц в позднесоветском языке [Червильский 2007].

Вместе с тем во многих подобных публикациях проблемы идеологического воздействия на развитие русского языка и особенности политической коммуникации в советском обществе рассматриваются с достаточно критических позиций. Примером может служить монография И. Коженевской-Берчиньской о «советизации» русского языка [Korzeniewska-Berczyńska 1991].

Отметим также, что к числу специалистов, испытавших значительное влияние советского политического дискурса, можно было бы отнести и большинство эмигрантов, ставших со временем известными на Западе специалистами по советской политической коммуникации (С. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко, И. Земцов и др.). Однако эти публикации традиционно рассматриваются в общем массиве советологических исследований, что вполне закономерно, если учесть их остро критическую направленность, разоблачительный пафос и подчеркнутую противопоставленность исследованиям, созданным в Советском Союзе.

Объединяющим признаком третьей группы исследований служит тот факт, что они ХРОНОЛОГИЧЕСКИ не соответствуют рамкам собственно советского лингвополитического дискурса и отражают политическую коммуникацию в досоветской или постсоветской России. Рассмотрим основные разновидности подобных публикаций.

3.1. Постсоветология, исследование современной российской политической коммуникации. Процесс преобразования советской политической коммуникации в российскую политическую коммуникацию все чаще привлекает внимание зарубежных специалистов. Примером может служить публикация британского лингвиста Джона Данна, которая так и названа – «Трансформация русского языка от языка советского типа в язык западного типа» [Dunn 1995]. Более специфический анализ представлен в книге Дж. Беккера, посвященной сопоставлению представлений о США в советской и постсоветской российской прессе [Becker 2002].

Следует отметить возросший интерес к анализу советско-российского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией других стран, в которых протекали схожие политические процессы [Клочко 2006; Downing 1996; Jones 2002; Political Discourse 1998].

Очевидно, что политическая коммуникация не могла мгновенно измениться в новогоднюю ночь, которая знаменовала собой прекращение существования Советского Союза. Вместе с тем не менее очевиден и тот факт, что современная политическая коммуникация все меньше и меньше походит на советский «новояз»: в своих лучших образцах она следует общемировым тенденциям и вместе с тем сохраняет национальные особенности.

Множество интересных наблюдений над современной российской политической коммуникацией содержится в книге польского исследователя Иоанны Коженевской-Берчиньской «Мосты культуры: Диалог поляков и русских» [Коженевска-Берчиньска 2006]. В статье литовского исследователя В. В. Макаровой рассматриваются способы убеждения, применяемые

российскими политиками в ситуации предвыборной борьбы [Макарова 2006].

Авторы подобных исследований постоянно сопоставляют развитие советской политической коммуникации в России и аналогичными процессами в других посттоталитарных странах, что способствует более широкому рассмотрению проблемы, позволяет выявлять общие и особенные признаки в параллельных процессах развития политических дискурсов. Вместе с тем эти специалисты иногда способны более точно, чем их западные коллеги, фиксировать неочевидные процессы.

Во многих публикациях представлено сопоставление политической коммуникации в России и других посттоталитарных государствах. Так, в исследовании А. Зых и О. Малыса рассмотрены способы дискредитации противников в официальных выступлениях политиков и отмечается, что в современной Польше принципы взаимного уважения и толерантности нарушаются еще чаще, чем в постсоветской России [Зых, Малыса 2006]. Интересные данные о параллелизме театральной метафоры в российском и болгарском политическом дискурсе начала XXI века представлены в статье Е. Стояновой. Вместе с тем автор отмечает, что в российской прессе более распространены метафорические образы, связанные с цирком, а в болгарской – метафоры, относящиеся к фрейму-источнику «кукольный театр» [Стоянова 2006].

Авторы подобных исследований постоянно сопоставляют развитие советской политической коммуникации в России с аналогичными процессами в других посттоталитарных странах, что способствует более широкому рассмотрению проблемы, позволяет выявлять общие и особенные признаки в параллельных процессах развития политических дискурсов. Вместе с тем специалисты из Восточной Европы иногда способны более точно, чем их западные коллеги, фиксировать неочевидные процессы и следы уходящего коммунистического дискурса.

3.2. Зарубежные исследования, посвященные досоветскому этапу развития российской политической коммуникации, относительно немногочисленны. Чаще всего это только отдельные разделы или даже частные замечания в общих обзорах и учебниках: см. в частности, вводный раздел в учебнике Л. Рязановой-Кларк и Т. Вэйда [Ryazanova-Clarke, Wade 1999]. Среди монографических исследований можно назвать, в частности, диссертацию украинского специалиста Л. Л. Бантышевой «Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX века» [Бантышева 2007].

Видимо, уже совершенно выходят за рамки советологии исследования, посвященные политическому дискурсу постсоветских государств (в том числе русскоязычному), например, напи-

санная по материалам латвийской прессы статья И. Милевич по проблемам этикетности речевого поведения политика [Милевич 2007], диссертация А. В. Завражиной [2008] или публикации О. И. Андрейченко, Ф. С. Бацевича, В. В. Демецкой, Л. Ф. Компанцевой, Л. А. Кудрявцевой, И. Литовченко, К. С. Серажим, Л. А. Ствицкой, Г. М. Яворской, посвященные современному политическому дискурсу Украины и охарактеризованные в обзоре Л. Е. Бессоновой [2007]. Вместе с тем нетрудно заметить, что политическая коммуникация в постсоветских государствах обнаруживает множество общих закономерностей: так, рассмотренные А. В. Завражиной средства речевой агрессии в русскоязычном политическом дискурсе Украины, едва ли не идентичны тем, что используются в современной российской политической коммуникации.

В рамках четвертой группы рассматриваются публикации, которые лишь косвенно связаны с лингвистикой, но включают материалы, которые могут быть в той или иной степени интересны специалистам по политической коммуникации. Это работы, посвященные советской журналистике, литературе, культуре, социальным и политическим проблемам Советского Союза. Возможно, сюда же следует отнести и не претендующие на строгую научность статьи и книги зарубежных журналистов и политиков, посвященные (полностью или частично) проблемам политической коммуникации в Советском Союзе.

Заканчивая обзор «парасоветологических» публикаций, необходимо отметить, что эти исследования (вместе с «классической» лингвистической советологией и – в меньшей степени – российской политической лингвистикой) внесли важный вклад в дело формирования образа Советского Союза (и всего мирового коммунистического движения) в сознании зарубежной общественности. Эти исследования в значительной степени определяли политику США и других западных стран по отношению к странам социалистического лагеря. Созданные в советскую эпоху стереотипы до сих пор в той или иной степени сказываются на том, как воспринимается Россия в сознании западной общественности и политических лидеров.

Отметим также, что в последние годы советологические и парасоветологические публикации привлекают все большее внимание отечественных специалистов по лингвистике, межкультурной коммуникации, журналистике, политологии и социологии. При всем разнообразии политических взглядов соответствующих авторов, при всех различиях используемых методов и приемов, а также поставленных и решенных задач эти публикации отражают (хотя не всегда полно и объективно) важные закономерности развития советской политической коммуника-

ции. Как справедливо отметил, выступая в Колумбийском университете, президент России В. В. Путин, американская школа советологии, как и советская школа американистики (или «изучения американского империализма») «долгие годы были заложниками большой политики», а поэтому «в этих условиях наука была излишне политизирована» [Путин 2003]. Далее президент отмечает, что «инерция таких подходов очень и очень сильна». Представляется, что для преодоления этой инерции, для правильной оценки постсоветологии (российеведения?) необходимо как можно лучше знать сильные и слабые стороны традиционной советологии (и парасоветологии). Поэтому рассмотренные в настоящей статье исследования должны в полной мере учитываться российскими специалистами, работающими в сфере политической лингвистики и смежных научных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бантышева Л.Л. Структурно-системный анализ общественно-политической лексики русского языка конца XIX – начала XX века. Автoref. дис. канд. филол. наук. Симферополь, 2007.

Бессонова Л. Е. Новые лингвополитические исследования в Украине // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2007. – № 1 (21).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24).

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкоznания, 1993. – № 4.

Дуличенко А. Д. Русский язык конца II тысячелетия. Мюнхен, 1995.

Завражина А. В. Речевая агрессия и средства ее выражения в массмедиийном политическом дискурсе Украины (на материале русскоязычной газетной коммуникации). Автoref. дис. канд. филол. наук. Киев, 2008.

Земцов И. Советский политический язык. – Лондон, 1985.

Зых А., Мыльса О. О некоторых языковых средствах дискредитации противника в официальных выступлениях политиков // Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова, 2006.

Карцевский С. Язык, война, революция. – Берлин, 1923.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

Клочко Н. Н. Этноцентристические мифологемы в современном славянском коллективном сознании //

Политическая лингвистика. Екатеринбург. – 2006. – № 3 (20).

Коженевска-Берчинска И. Мосты культуры: диалог поляков и русских. – Минск, 2006.

Куртин Ж.-Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред. П. Серио. М., 2002.

Макарова В. В. Наша партия лучше: способы убеждения в ситуации предвыборной борьбы // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20.

Милевич И. Г. Этикет политика в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2006. – № 2 (22).

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.

Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20.

Путин В. В. Выступление и ответы на вопросы в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года // Официальный сайт Президента России www.kremlin.ru.

Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. Мюнхен, 1951.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Общ. ред П. Серио. М., 2002.

Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен, 2006.

Ухванова-Шмыгова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000.

Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк, 1955.

Червильский П. Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / ed. D. Weiss. – Bern; Frankfurt, 2000.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.

Becker J. Soviet and Russian Press Coverage of the United States. – London: Palgrave, 2002.

Borkowski I. Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981-1995. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.

Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Warszawa: Trio, 2001.

Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. – London: Sage Publications, 1996.